

Кузнецов Александр Валерьянович

канд. филол. наук, старший научный сотрудник

БНУ ЧР «Чувашский государственный

институт гуманитарных наук» Министерства образования

и молодежной политики Чувашской Республики

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Кузнецова Надежда Михайловна

учитель

МБОУ «СОШ №60»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ:

К ВОПРОСУ О ДИАЛОГЕ И КОНФЛИКТЕ КУЛЬТУР

***Аннотация:** этикетное общение представителей разных народов, носителей неодинаковых культур в современном мире в основном происходит без особых конфликтов. Сама ситуация подобного общения должна исключать разные эксцессы. Но соприкосновение разнообразных культур не всегда происходит в форме диалога, иногда происходит конфликт (как в прямом смысле, так и в значении «несоответствие») на уровне индивидуального сознания. Некоторые причины возникновения подобного конфликта, способы их избегания, а также предполагаемые хронологические рамки диалога культур народов Волго-Уралья рассмотрены в предлагаемой работе.*

***Ключевые слова:** речевой этикет, диалог культур, конфликт культур, чувашский язык, языки народов Волго-Уралья.*

Коммуникация является важным элементом существования представителей живой природы, не говоря уже о людях. Общение происходит по принятым в обществе правилам, к которым люди приобщаются с детства. По мнению исследователей, вся история человечества является диалогом, пронизывающим всю нашу жизнь, который является условием взаимопонимания людей. Взаимодействие культур, их диалог – наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений. Наличие в социуме межэтниче-

ского напряжения и, тем более, межэтнических конфликтов, затрудняет или ограничивает диалог между культурами. При взаимодействии культур происходит не простая «перекачка» достижений одной культуры в другую, а совершаются более сложные процессы. В данной ситуации некоторые исследователи позволяют себе говорить о высокой культуре в противовес неразвитой. Употребление понятий «высокоразвитая культура» и «малоразвитая культура» в отношении народов, проживающих в одно и то же время, не совсем корректно. Об уровне культуры народа непозволительно судить лишь по наличию заводов, самолетов, театров и др. Не обладая этим, народы могут иметь высокоразвитую духовную культуру (песни и сказки, легенды и предания, танцы и обряды и т. д.). Культуры развиваются обособленно и изначально враждебны друг другу, в основе всех этих различий Н.Я. Данилевский видел «дух народа» [23].

При диалоге обнаруживаются и понимаются ценности других культур, диалог – это понимание своего «Я» и общение с другими [30, с. 9], диалог – взаимодействие равноправных субъектов, создающих ситуацию доверия и взаимного уважения. В основе диалога культур – новая культура общения [9, с. 80]. Духовная культура народа тесно связана с религией, поэтому диалог культур является не простым взаимодействием народов, но и глубокой их мистической связью, укорененной в вероисповедании [25, с. 20].

Методологию взаимодействия разных культур, в т.ч. и диалога культур, разработал в своих трудах М. Бахтин, который полагал, что диалог – это взаимопонимание общающихся с сохранением своего мнения, слияние друг с другом и сохранение дистанции [4, с. 430], великие явления в культуре рождаются только в диалоге культур, в точке их пересечения. Более полно раскрыть одну культуру возможно только при сравнении или сопоставлении с другой. При диалогической встрече двух культур они не сливаются или смешиваются, а взаимно обогащаются [4, с. 354].

Выделяется четыре уровня диалога культур: 1) *личный*; 2) *этнический*; 3) *межнациональный*; 4) *цивилизационный* (последний наиболее драматичен, т.к. способствует разрушению традиционных форм культурной идентично-

сти, и очень продуктивен с точки зрения инновационной деятельности, создавая уникальное поле межкультурных экспериментов [18].

По справедливому утверждению И.С. Скворцовой, культура на Руси формировалась под воздействием трёх сил: христианской Византии, приобщившей Русь к средиземноморской культуре, культуры исламских народов и коренного язычества. Культура является одним из главных сил, сближающих людей и народы. Ставка на диалог культур, исторические особенности, национальные традиции и корни способна обеспечить успешность культурных преобразований, поможет предотвратить конфликты или, по крайней мере, их локализовать: конфликты, основанные главным образом на культурных различиях, значительно легче урегулировать, чем, например, ликвидировать вражду между социальными классами или борющимися за власть группировками» [32].

Принято выделять культуру-донора, больше отдающую, чем обретающую, и культуру-реципиента, выступающую получающей стороной. Со временем роли могут трансформироваться. В Волго-Уральском регионе, к примеру, на культуру предков современных тюркских и финно-угорских народов в X–XIII вв. сильное влияние оказывала культура болгар, а на самих болгар – культура Хорезма. В XIII–XVI вв. на культуру тюркских, финно-угорских и восточнославянских народов Волго-Уральского региона сильное влияние оказала культура монголо-татар, Золотой Орды, Казанского ханства. С XVI в. культура тюркских, финно-угорских и монгольского (калмыцкого) народов находится под влиянием русской и, через нее, западноевропейской культуры.

Ряд исследователей отмечает, что в финно-угорских языках данного региона довольно широко распространены лексемы тюркского происхождения, т. к. разносторонние связи между отдельными финно-угорскими и тюркскими народами начали складываться еще в VII–VIII вв. н.э., когда на Среднюю Волгу пришли болгарские племена. В течение ряда веков они оказывали политическое и экономическое влияние на местные финно-угорские народы. В составе Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства финно-угры Волго-Уральского региона находились в сфере влияния тюркоязычных народов, кото-

рые в те времена находились на более высоком уровне социокультурного и экономического развития. В ходе культурно-экономических связей происходило и взаимодействие языков, что отражено в пластах заимствованной лексики и т. д. Но взаимодействие не происходило в одностороннем порядке, местные финно-угорские языки также оказали ощутимое влияние на языки пришлых болгар и других тюркоязычных народов. Подр. см.: [2; 3; 10; 13; 15; 16; 17; 20; 21; 22; 34; 35; 36; 39; 40; 41; 42; 43; 44 и др.].

Особенности древнеболгарского языка прослеживаются в волжских и пермских финно-угорских языках (VIII–XIV вв.), а влияние тюркских языков на восточные финно-угорские языки проявляется в разной степени: в удмуртском и марийских языках – на уровне лексики, морфологии и синтаксиса, в коми и мордовских – лишь на уровне лексики. Тюркские лексические заимствования охватывают все важные лексико-тематические группы в удмуртском и марийских языках [15, с. 92; 21, с. 26–27; 6, с. 294]. Общность лексики духовной культуры у народов Поволжско-Приуральского региона сформировалась из тюрко-монгольского, финно-угорского и восточнославянского генетических культурных элементов, при этом финно-угорский больше представлен у мордвы, тюркский – у башкир, наибольшей долей тюркской примеси обладают марийцы, а самой большой долей финно-угорской примеси – чуваша, причем у марийцев и чувашей определяется отсутствующая у других народов монгольская культурная струя [2, с. 129].

При обращении к лингвистическим особенностям использование татарами и башкирами приветственных, благодарственных и др. выражений, заимствованных из арабского и персидского языков, поясняют влиянием ислама. Через данные языки они попали в другие языки (или их диалекты) рассматриваемого региона. Если представители взрослого населения татар, башкир, а также чувашей, марийцев, удмуртов относительно часто употребляют арабские и персидские слова, то речь молодёжи изобилует русскими заимствованиями и кальками.

В чувашском языке распространены полностью восходящие или содержащие в своем составе арабские и персидские (*Аван, Салам, Рехмет, Ёрехмет,*

Арахмат и др.), монгольские (*Чипер, Илпек, Ёрче*), русские (*Здоров, Здрасьте, Привет, Досвидание*) лексемы, а также попавшие через русский язык западно-европейские (*Салют! Чао! Хай!* и т. п.) лексические единицы и т. д. Они представлены практически во всех языках и их диалектах. К примеру, в большинстве языков Волго-Уралья распространена этикетная лексема *салам*. У исламских народов данное ВСЭО имеет формы *салам, сәлам, сәләм, сәлям, салом*. В Поволжье оно распространилось через татарский язык. В Волжско-Уральском регионе данная лексема имеет следующие фонетические варианты: чув. *салам*, тат. *сәлам, сәләм, сәлям*, башк. *сәләм*, удм. *салам*, марЛ. *салам*, марГ. *шәлә*. Спорным остается вопрос с коми-зыр. *чолӧм* «привет» (?). Оно может восходить к араб. *салам*, или же, согласно устному сообщению М.А. Плосковой, восходит к русск. *челом* (*челом бью*), что более вероятно [28].

Кроме *салам* в Волго-Уралье во многих языках встречается *чипер, чебер, чевер* и т. д. По мнению исследователей, данное слово попало в чувашский через татарский и является заимствованием из монгольского языка: *ciper* (*чипер*) << монг. *šeber* «хорошо; хороший» [49, р. 78.]; *чипер* < монг. *цэвэр, цебер* «чистый», «красивый», «прекрасный», «великолепный» [14, с. 326; 48, с. 101; 2, с. 117]. Данная лексема является широкоупотребительной и встречается в составе ВСЭО чувашского языка, употребляемых:

1) при приветствии *Чипер-и?* и *Чиперех-и?* «Благополучен ли?», *Чиперех сӳресӳӳ-и?* «Благополучно ходят (в знач. «живут») ли?» и т. д.;

2) при прощании (прощании-пожелании) *Чипер юл!* «Благополучно оставайся!», *Чипер кай!* «Благополучно отправляйся / уходи!», *Чипер сӳре!* «Благополучно ходи / путешествуй!», *Чипер кайса кил!* «Благополучно сходи / съезди!», *Чипер!* «Пока!» и т. д.;

3) в смысле «красивый, привлекательный» и в форме *чиперккем* имеет значение «моя красавица; хорошая моя» (– *Чиперккем, Петӳр пиччесем аӳтарак пурӳнаӳӳ-ши?* – «Хорошая моя, где проживает дядя Петя?») и т. д.

Кроме чувашского языка, данное слово распространено в марийских (марГ. *Цевер!* «Счастливого пути!; До свидания!», *Цеверке!* «Счастливого пу-

ти!»; *Цеверын!* «До свидания!»; *Прощай!*»; *Цэвэр(ок) каштын толдок!* «Благополучно возвращайтесь!»; марЛ. *Чеверын (кодса)!* «Прощай(те)!»), татарском (*чибэр* «красивый; красиво; красавец; красавица»), русском (обл. вятск. *чебер*, *чеберь* «франт, щеголь», донск. *чеберка* «чистоплотная хозяйка» [12, с. 603; 38, с.322]. М. Фасмер русское вятское *чебер* считает татарским заимствованием.

В языках региона оно имеет следующие фонетические варианты и значения: «тат. *чибэр*, башк. *сибэр*, чув. *чипер*, мар. *чевер*, *цэвэр*, удм. *чебер*, морд.-мокш. *цебярь* «хороший, красивый; чистый, опрятный; изящный, искусный» происходит от общетюрк. *чэбэр* «чистый, аккуратный; искусный, красивый; чистота, красота» и т. д., см. еще каз., ккалп., ног. *шебер* «мастер, искусный», алт. *чебер* «осторожность, бережливость», русск. диал. *чебер* «опрятный» и т. д.» [2, с. 117]. В чувашском языке зафиксированы такие значения: *чипер* «красивый, пригожий; красиво, пригоже; хороший; хорошо; порядочный, приличный; порядочно, прилично; спокойный; спокойно; удачный, благополучный: счастливый; удачно, благополучно, счастливо; осторожно; действительно, вправду»; *чип-чипер* «очень красивый; красиво; совершенно целый, невредимый; цело, невредимо; совершенно спокойно»; *чиперкке* «красивый, смазливый»; *чиперлен* «становиться красивым, изящным; хорошеть, расцветать; охорашиваться, прихорашиваться»; *чиперлесех* «разг. действительно, вправду»; *чиперлет* «делать красивым, изящным; подправлять; прихорашивать»; *чиперлѣх* «красота, изящество»; *чиперрѣн* «как следует, хорошенько»; *чиперук* «разг. красавица (о девушке)» [45, с. 540–541].

Влияние русской этикетной традиции наблюдается в синтаксической структуре формул приветствия типа *Ырă кун! Ырă каç! Телейлĕ çул!*, не характерных для тюркских языков. Для чувашского, татарского, башкирского и др. тюркских характерно употребление зависящих от ситуации ВСЭО, типа чувашских *Ёçлес-и?* (букв. «работать, да?») «Работаем, да?»; *Ларатпăр-и?* «Сидим, да?» и т. д. Кроме того, в других тюркских языках Урало-Поволжья широко распространены такие ВСЭО, как *Кайда бардың?* «Куда ходил?», *Кайда йердең?* «Где ходил?», *Кайда барасың?* «Куда идешь?», *Сәламәтлегегез ничек?*

«Как здоровье?» [33, с. 109; 31]; *һаулыгыгыз нисек?* «Как здоровье.», *Саламатлегез нисек?* «Как здоровье?», *һаумы(һыгыз)?* «Здоровы ли вы?», *Исәнме(һегез)?* «Благополучны ли вы?» [29; 33].

Анализ ВСЭО языков Урало-Поволжья показывает, что в Волго-Уральском регионе образовался общий пласт ВСЭО, характерных и тюркским, и финно-угорским, вне зависимости от конфессиональной принадлежности их носителей. В последнее столетие, под влиянием русского языка, наблюдается тенденция к образованию нового пласта ВСЭО.

Сравнительно-историческое и сопоставительное изучение ВСЭО открывает новые возможности в освещении проблемы межкультурных и межъязыковых контактов, произошедших и происходящих в Урало-Поволжском этнокультурном и языковом регионе. Как показывают наши исследования, например, лексические единицы, функционирующие в составе ВСЭО чувашского языка, представляют собой систему, состоящую из исконно чувашских лексем, а также заимствований из татарского (а через его посредство – арабского, персидского, монгольского), русского и др. языков. Исследование фонетических изменений данных слов открывает возможности датирования исторических этнолингвокультурных контактов как с другими тюркскими, так и с индоиранскими, славянскими, монгольскими, финно-угорскими и другими народами.

Вышесказанное свидетельствует о тесном диалоге культур тюркских, финно-угорских, монгольских, восточнославянского (русского) и др. культур.

Диалог культур в каждом случае претерпевает несколько этапов. Изначально это обычно «культурный шок», зависящий от степени совместимости языков, сценариев поведения и традиций различных участников диалога культур. Дальнейшее развитие диалога культур определяется специфическими особенностями каждого из типов культур, их статусом в процессе конкретного межкультурного контакта, способностью принимать во внимание интересы другой стороны. Диалог культур может проходить как в продуктивных, так и в конфликтных формах. В последнем случае культурный шок перерастает в культурный конфликт – стадию противостояния мировоззренческих установок раз-

личных личностей, личности и общества и т. д. В основе культурного конфликта – принципиальная несовместимость языков различных культур. Совмещение несовместимого нарушает ход межкультурной коммуникации. Формы культурного конфликта могут иметь различный масштаб и характер: от частной ссоры до межгосударственного противостояния и войн.

Конфликты в сфере культуры предлагает разделять на: 1) внутри- и межкультурный конфликт; 2) пределы совместимости и различий субкультур; 3) контркультуру.

1. Внутрикультурный конфликт ломает традиционные механизмы ее самосохранения и стабильного развития, при котором возможен и конфликт культурных и цивилизационных основ среды, представленных различными социальными группами.

2. Пересечение разных национальных культур в местах проживания приводит к непрерывному соприкосновению и урегулированию взаимного влияния. Взаимопроникновение культурных ценностей имеет свои границы, за чертой которых начинается ведущее к закрытому или открытому конфликту насильственное вторжение в ее сущность.

3. Контркультура представляет собой явную демонстрацию конфликта культуры общества между поколениями и социальными группами, отрицающими установленные ценности и нормы. В сфере культуры выработались способы конфликтного самообновления, культурного протеста против господствующих ценностей [5].

Следует отметить, что выбор этикетных выражений зависит от речевых ситуаций, выработанных обществом при установлении и поддержании контакта с другими людьми. Люди с детства приучаются пользоваться необходимыми, уместными в данной ситуации формулами приветствия, прощания, извинения и т. п. Но при общении с представителями других этнолингвокультурных общностей встречается другая сложность. В рамках собственной культуры создается иллюзия своего видения мира, образа жизни и т. д. как единственно возможного и единственно приемлемого. Подавляющее большинство людей при об-

щении с представителями других национальностей не осознают, что их собеседники, так же, как и они сами, с детства приучились пользоваться уместными в данной речевой ситуации выражениями своего языка, определяемыми их собственной культурой [37, с. 33–34]. Данное утверждение отражено в произведениях народной словесности. Существуют пословицы, выражающие существование различий в культурном, языковом и т. д. планах: 1) русская пословица учит: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*; 2) английская пословица рекомендует: *When in Rome, do as Romans do* «Приехав в Рим, делай, как римляне»; 3) чувашки говорят: *Тёнчере ситмёл те сичё чёлхе, ситмёл те сичё халăх, тет* «Говорят, в мире семьдесят и семь языков, семьдесят и семь народов» (выражение семьдесят и семь в чувашском фольклоре имеет значение «неопределенное множество»). Народная мудрость старается предостеречь от межкультурных конфликтов, проявление которых возможно прежде всего на уровне языка, при общении с представителями других народов. В повседневной жизни нередко представители одной этнолингвокультурной общности, считая себя выше других, пытаются унижить других, оскорбить, высмеивая особенности их языка и культуры, сложившиеся на протяжении многих веков.

Отношения между народами внутри и вне государства принимают форму сотрудничества или этнического конфликта. Даже при мирном сосуществовании двух и более этносов между представителями могут возникнуть трения из-за склонности представителей одного народа оценивать другие культуры с позиций своей собственной. Это порождает межэтнические коллизии, в которых особое место занимают этнокультурные конфликты – столкновения культур на уровне индивидуального сознания [27, с. 445].

Более подробно остановимся на культурном конфликте на уровне индивидуального сознания: «Культурный конфликт – конфликт, возникающий в сознании индивида, находящегося на стыке двух культур, обладающих противоречащими друг другу нормами, стандартами, требованиями. <...> Всем необходимо научиться понимать и принимать другие культуры, без этого невозможны ни межкультурная и международная коммуникация, ни сотрудничество [46].

При контакте представителей разных лингвокультурных общностей возникают разные трудности: языковой барьер и национальные особенности самых разных компонентов культур, которые свойственны вступившим в коммуникацию людям. Они могут затруднить процесс общения.

Н.И. Золотницкий в «Приложениях» к «Корневому чувашско-русскому словарю...» [1875] описывает случаи, в современной теории лингвистической коммуникации характеризруемые как этнокультурные конфликты внутри и вне одного государства. В первой ситуации ученый описывает реакцию татар, во второй – бедуина на употребление русскими мусульманского приветствия. По словам ученого, татары выражением *ас саламу галяйкум* приветствуют исключительно своих братьев по вере, но не иноверцев. С последними же здороваются фразами: *сау бул* «Будь здоров», *Алла сакласын* «да хранит [тебя] Бог» или *исянь бул* «будь благополучен». Русский, здороваясь с татаринном фразами *салам-аликым*, *ас саламу галяйкум* делает ему неприятность. Татары не высказывают свое недовольство, т.к. стараются избегать объяснений своих религиозных обычаев русским людям и не так фанатичны, как южные мохаммедане. При обращении с последними Н.И. Золотницкий просит соблюдать осторожность. А известный ученый-ориенталист Н.И. Ильминский чуть не стал жертвой бедуина, когда отстал от каравана на пути от Иерусалима в Дамаск и верхом на лошади, без проводника, догонял его. Он вышел на распустье двух дорог и не знал, по какой ехать. В это время увидел верхового бедуина с копьем за спиною и, желая добиться расположения туземца, приветствовал его *ас саламу галяйкум*. Узнав, что этой фразой приветствовал русский, а не мусульманин, бедуин рассердился, выхватил копье и крикнул: «Как же ты, не будучи мусульманином, осмелился сказать мне такие слова. За глумление над правоверным законом ты достоин смерти». Путешественника от гибели спасло лишь то, что он быстро взял себя в руки и объяснил, что не из-за дурных намерений, а из-за незнания местных обычаев произнес приветствие, за что просит извинить его [19, с. 208–210].

Хотя целью Н.И. Золотницкого, на наш взгляд, было желание показать, как важно знание культурологического контекста при изучении других языков, но он предостерегал от «конфликта культур». Исследователь еще в XIX в. поднимает проблемы изучения лингвистического и культурологического контекстов в неразрывной связке. Следует отметить, что межкультурные контакты требуют ознакомления с ролями общающихся и каждый из них обязан выполнять определенные культурой общения правила поведения. Вступающие в контакт могут отличаться по национальности, возрасту, вероисповеданию и т. д. В зависимости от этих и других обстоятельств и ситуаций меняется характер общения. ВСЭО сопоставимы с системой культурного сдерживания, т.к. призваны обеспечить вежливое общение неравных партнеров [24, с. 98; 1, с. 270].

Этикет любого народа является своеобразным этнокультурным феноменом, сложившимся на протяжении многовековой истории этноса. Каждый народ имеет свои специфические особенности этикета, в той или иной степени отличные от этикета других народов и, благодаря этому, являющиеся специфическими этническими маркерами их носителей.

По мнению А. Вежбицкой, любая культура уникальна и имеет свои собственные «культуроспецифичные» способы коммуникации. Бессмысленно подвергать сомнению необходимость проведения «точного аргументированного анализа» или важность «многочисленных примеров», но предложение ограничиться одним языком, не сопоставляя одну культурную парадигму с какими-либо другими, представляется странным. Встречающиеся иногда предложения ограничиваться тотальным изучением речевого этикета одного конкретного языка не всегда правомерны. Как гласит истина: «Все познается в сравнении!» И сопоставление различных культур должно быть строгим и корректным, оно должно подтверждаться фактами [7, с. 125–126.]. Сопоставляемые и сравниваемые нами народы и их культуры Волго-Уралья уникальны. Несмотря на то, что встречаются случаи деления культуры разных народов на высокие и низкие, считаем, что подобный подход в корне неверен, неприемлем. Оценивая культуру других народов с позиции современного уровня развития большинства

народов (наличия музеев, театров, вузов и т. п.) можно говорить о тех или иных сторонах развития культуры, но ни в коем случае об отсутствии культуры у некоторых народов (напр., южноамериканских, африканских и др. племен), на много сотен лет отстающих в развитии от мировых держав. Но их культуры все равно уникальны и высоки по-своему.

При взаимодействии разных культур проявляются элементы несовпадений, на уровне непосредственного общения выступающие как смысловые барьеры. Задача исследователей заключается в выявлении и описании подобных несовпадений. Межкультурное общение является средством сохранения и поддержания собственной культуры, поскольку оригинальность собственной культуры осознается только на рубеже культур, на грани двух сознаний – в диалоге культур.

Список литературы

1. Аршавская Е.А. Речевой этикет современных американцев США (на материале приветствий) // Национально-культурная специфика речевого поведения / А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин и др.; ред. коллегия: д-р филол. наук А.А. Леонтьев [и др.]; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1977. – С. 268–277.
2. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья / отв. ред. Г.Ф. Саттаров. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
3. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика): монография / отв. ред. Л.С. Левитская; Акад. наук СССР, Ин-т языка, лит. и истории. – М.: Наука, 1978. – 248 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, текст подгот. Г.С. Бернштейн, Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
5. Библиотечная система Международного университета природы, общества и человека «Дубна» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/sr_conflict_kozlovskii/~sr_conflict_kozlovskii.htm

6. Бутылов Н.В. К проблеме тюркизмов в финно-угорских языках // Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы I Всерос. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 294–295.
7. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – 272 с.
8. Верещагин Гр. Вотяки Сосновского края / предисл.: П. Соколовский. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1886. – 218 с. – (Записки имп. рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. XIV, вып. 2).
9. Вострякова Ю.В. Проблемы познания в диалоговом пространстве современной культуры // Философско-методологические проблемы науки и техники. – Самара, 1988. – С. 78–81.
10. Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
11. Гордиенко А.А. Антропологические и культурологические предпосылки к эволюции человека и природы: Филос.-антропол. модель коэволюц. развития / Акад. социал. наук. Центр социал. адаптации и переподгот. кадров высш. квалификации. – Новосибирск, 1998. – 86 с.
12. Даль В.В. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе изд., испр. и значит. умноженное по рукописи автора. В 4 т. – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1884. – Т. 4: Р–V [4]. – 704 с.
13. Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении / Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. – 2-е изд., испр. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1971. – 204 с.
14. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка / предисл. В. Котлеева; Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1964. – 355 с.
15. Егоров Н.И. Булгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые отношения в XIII–XVI веках // Булгары и чуваша: сб. статей / ЧНИИ. – Чебоксары, 1984. – С. 90–102.

16. Егоров Н.И. Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория болгаро-чувашской этноязыковой преемственности: дис. ... д-ра филол. наук в форме научного доклада: 10.02.06 / Казах. гос. пед. ун-т им. Абая. – Алма-Ата, 1992. – 82 с.

17. Егоров Н.И. Чувашский саламалик // Чувашский фольклор. Специфика жанров. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. – С. 106–129.

18. Жбанков М.Р. Диалог культур // Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин [и др.]. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия%20социологии/Диалог%20культуp/>

19. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1875. – VIII + 279 с.

20. Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты / Марийский НИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева. – Ч. 1: Татарские и башкирские заимствования. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. – 176 с.

21. Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты / Марийский НИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева. – Ч. 2: Словарь татарских и башкирских заимствований. – Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1994. – 208 с.

22. Исанбаев Н.И. Тюркские лексические кальки в марийском языке // Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов (14–18 нояб. 1994 г.) / редкол.: Г.А. Архипов (гл. ред.) [и др.]. – Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угроведения, 1995. – С. 317–320.

23. Кокшаров Н.В. Взаимодействие культур: диалог // Теоретический журнал «CREDO NEW» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/352/55/>

24. Кравченко А.И. Культурология: учебное пособие для вузов. – 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2002. – 496 с.

25. Никитин В. От диалога конфессий к диалогу культур // Русская мысль. – Париж, 2000. – 3–9 февраля. – С. 20–28.
26. Осипов П.Н. Пьесасем: Иккёмёш кёнеке. – Шупашкар: Чăваш АССР изд-ви, 1960. – 476 с.
27. Платонов Ю.П. Этнический фактор. Геополитика и психология. – СПб.: Речь, 2002. – 519 с.
28. Плоскова М.А., исследователь коми языка и литературы, автор электронных учебников по коми-зырянскому языку, журналист, переводчик (г. Сыктывкар, Республика Коми).
29. Русско-башкирский словарь: 46.000 слов / ред. коллегия: д-р филол. наук К.З. Ахмеров (отв. ред.) [и др.]; Акад. наук СССР. Уфим. ин-т истории, языка и литературы. – М.: Сов. энциклопедия, 1964. – 985 с.
30. Сайко Э.В. О природе и пространстве «действия» диалога // Социокультурное пространство диалога. – М.: МГУ, 2009. – С. 9–32.
31. Сафиуллина Ф.С. Русско-татарский разговорник / Ф.С. Сафиуллина, К.Р. Галиуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – 303 с.
32. Скворцова И.С. Диалог культур. Попытка рассмотрения инновационного подхода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prof.msu.ru/publ/omsk2/o38.htm>
33. Султанов Ф.Ф. Некоторые особенности коммуникативного поведения татар и башкир // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; редкол.: А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Ю.А. Сорокин. – М.: Наука, 1982. – С. 101–111.
34. Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: (удмуртско-тюркские языковые контакты). – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 188 с.
35. Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: (теория и словарь). – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. – 170 с.
36. Тараканов И.В. О болгарских заимствованиях в удмуртском языке // Труды ЧНИИ. – Чебоксары, 1980. – Вып. 97: Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. – С. 127–136.

37. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. коммуникация». – М.: Слово/Slovo, 2000. – 262 с.

38. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches wörterbuch / пер. с нем. В 4 т. / пер. О.Н. Трубачев; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. IV: Т–Ящур. – 1987. – 863 с.

39. Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угрофиннов Поволжья и Перми: В 2 ч. / отв. ред. Н.А. Баскаков. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1965. – Ч. I: Чувашско-марийские связи. – 160 с.

40. Федотов М.Р. О некоторых тюркских заимствованиях в марийском языке // Вопросы истории чувашского языка: сб. ст. / под. ред. И.П. Павлова; НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – С. 51–72.

41. Федотов М.Р. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (лексико-семантический обзор и словарь) // Вопросы чувашского языкознания и литературоведения: сб. ст. / Учен. зап. ЧНИИ. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963. – С. 89–124.

42. Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика: монография / Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию, Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 1996. – 460 с.

43. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, НИИ яз., лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Саранск: Изд-во Сарат. ун-та: Саран. фил., 1990. – 335 с.

44. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. – Т. 1: А–Ритаван. – 470 с.; Т. 2: Сав–Яштака. – 509 с.

45. Чувашско-русский словарь: около 25000 слов / Науч.-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР;

под ред. чл.-кор. Акад. пед. наук РСФСР проф. М. Я. Сироткина. – М.: ГИС, 1961. – 630 с.

46. Экономико-правовая библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/28076/28116/>

47. Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко. – СПб.: Лань, 1999. – 528 с.

48. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörter buchs der Türksprachen. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. – XVI + 533 s. – [Lexica societatis Fenno-Ugricae, XVII. 1].

49. Róna-Tas A. Középmongol eredetű jövevényszavak a csuvasban: Néprajz és Nyelvtudomány. – Szeged, 1971–1972. – P. 77–88.

50. Scherner B. Arabische und Neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen: Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen. – Wiesbaden: Franz Steiner Verl. GMBH, 1977. – XXX, 231 S. – [Veröffentlichungen der orientalischen Kommission / Akademie der Wissenschaften und der Literatur; Band XXIX].